

В целом, отход отряда Ширяева со ст. Батайской прошёл весьма успешно. Об этом говорит и тот факт, что Корнилов наградил впоследствии всех его участников Георгиевскими отличиями.

Юнкерский батальон оставался на позициях, пресекая при поддержке двух орудий взвода Юнкерской батареи, атаки красногвардейцев. Генерал Марков неотлучно находился с юнкерами. В ночь на 3(16) февраля батальон отошёл ближе к Ростову.

4(17) февраля на смену юнкерам прибыл 2-й Офицерский батальон полковника Лаврентьева в составе двух рот: полковника Семёнова (40 штыков) и полковника Зудилина (47 штыков). Прибыли и два орудия Офицерской батареи, которые сменили взвод юнкеров-артиллеристов. С 5(18) по 8(21) февраля батальон отбивал атаки красногвардейцев от Батайска. Выучка офицеров, открытая местность и отсутствие дисциплины в рядах прибывших из Тихорецкой пехотных полков, способствовали тому, что юга Ростов оставался надёжно прикрытым до самого конца⁴¹⁵.

5.5. Падение Ростова

В первых числах (в середине) февраля предпринималась последняя попытка привлечь к защите города ростовских офицеров. Заранее было широко оповещено о собрании офицеров. В назначенное время прибыли до 200 человек, большинство, в штатском. Устроители попытались произвести подсчёт прибывших и обратиться к ним с призывом помочь Армии. Однако

⁴¹⁵ 9(22) февраля Антонов-Овсеенко телеграфировал из штаба Сиверса в Батайск Автономову с предписанием занять станицу Ольгинскую, отрезав пути отхода Добровольческой армии от Аксайской. Доклада о получении приказа он не получил и уже после взятия Ростова вечером 11(24) февраля лично переправился через Дон и прибыл в Батайск. Здесь выяснилось, что Ставропольский полк самовольно оставил позиции и отошёл в тыл. На импровизированном митинге Главком объяснил ситуацию и убедил солдат 112-го полка выдвинуться к Ольгинской. При нём полк принял постановление – выступать. Однако едва Антонов-Овсеенко убыл в Ростов, 112-й Бакинский погрузился в эшелоны и убыл в Ставрополь на расформирование. В своём приказе от 15 февраля (2 марта) Антонов-Овсеенко «заклеймил поведение 112-го полка и приказал предать его командира и комиссара Сухоцкого ревсуду Юго-Восточной армии».

с самого начала собрание больше напоминало митинг. Бывшие офицеры криками срывали выступления ораторов. Общее настроение было: «В поддержке Добровольческой армии отказать!» Мотивировка: «Русский офицер призван защищать границы своего государства, а не честь отдельных генералов».

Тут же большая часть собравшихся поспешила удалиться. Немногие оставшиеся, в ком возобладала вдруг совесть, записывались у регистрационного столика...

Узнав об этом случае, генерал Марков сказал:

– Так чего же они не защищают границ государства, а болтаются в Ростове? Ну, вольному – воля, спасённому – рай и... к чёртовой матери их! Мыто без них не пропадём, а им плохо придётся...

Возмутились и добровольцы. На следующий

после собрания день в прессе был опубликован ультиматум, в котором говорилось:

«Вам объявляет 1-й Офицерский батальон: кто не с нами, тот против нас. В трёхдневный срок предлагаем всем офицерам, находящимся в Ростове, или вступить в ряды армии, или покинуть Ростов». От имени батальона подписал ультиматум полковник Борисов.

В итоге записалось в Армию два-три десятка офицеров, зато с улиц и бульвара исчезли щеголявшие в золотых погонах и парадных мундирах праздные франты. Многие, без погон и кокард на фуражках, с оторванными золотыми пуговицами на шинелях, поспешили на вокзал, чтобы при первой же возможности покинуть город.

Зато получилось другое. Доброволец капитан Немечек из пленных чехов и словаков сумел сформировать Чехословацкий батальон численностью в 250 человек. Последовав его приме-

С.Л. Марков

ру, из пленных галичан создали Русско-галицкий взвод силою до 35 штыков.

7(20) февраля Атаман Назаров сообщил Корнилову, что отстоять Новочеркасск не надеется и Добровольческую армию задерживать, более не смеет. Тщательно всё взвесив, Корнилов принял решение оставить Ростов в ночь с 9 на 10(с 22 на 23) февраля. Предполагаемый ранее путь отхода вдоль Владикавказской железной дороги с занятием противником Батайска становился невыполнимым. Решено было отходить на станицу Аксайскую, там перейти Дон и уходить на восток, в степи.

5(18) февраля Антонов-Овсеенко подчинил Сиверсу 4-ю кавалерийскую дивизию с задачей отрезать её силами пути отхода добровольцев на Аксай. Против неё из Ростова был выдвинут 3-й Офицерский батальон, сменивший под Султан-Салы уже месяц сдерживающих советскую кавалерию Ростовскую и Георгиевскую роты. Задача поставлена была батальону одна: не ввязываясь в серьезные бои, задерживать продвижение противника и отходить к железнодорожной объездной ветке Ростов-Нахичевань, которую отстаивать до конца. Левее стал впервые выдвинутый на фронт Студенческий батальон. Своим левым флангом он сомкнулся с 3-й Киевской школой прапорщиков, позиции которой протянулись уже до Темерника.

8(21) февраля Корнилов начал снимать с Таганрогского фронта отдельные подразделения. В Лазаретный городок вечером были отведены Студенческий батальон и Корниловский ударный полк без одной роты, оставленной в отряде Черепова. К концу этого дня фронт от Султан-Салы сместился уже к самому Ростову. Однако 3-й Офицерский батальон, отбив все атаки, не только не позволил 4-й кавалерийской дивизии выйти к станциям Аксай и Кизитеринка, что требовал Антонов-Овсеенко, но даже приблизиться к железнодорожному полотну. Попытку более глубокого охвата города с севера своевременно осуществить не удалось. Отчасти из-за распутицы и усталости людей и конского состава. В большей степени от нежелания конников становиться на пути всей массы уходящей из Ростова Добровольческой армии.

9(22) февраля на позициях оставались:

- 3-й Офицерский батальон и Школа прапорщиков – фронтом в направлении на Султан-Салы;
- партизанский отряд есаула Лазарева (остатки Чернецовского отряда) – Темерник;
- Морская рота⁴¹⁶, рота Корниловского ударного полка, отряд сотника Грекова и два орудия Офицерской батареи – западнее станицы Гниловской, фронтом в направлении на Хопры;
- 2-й Офицерский батальон с приданной 2-х орудийной Офицерской батареей – южнее разъезда и станции Заречная, фронтом к Батайску;
- Чехословацкий батальон с Русско-галицким взводом, занявшие оборону вдоль реки Дон, прикрывавшие Ростов и Нахичевань с юга.

Все части, за исключением 3-го Офицерского батальона, подчинены были непосредственно генералу Маркову, которому была поставлена задача, оборонять Ростов весь день 9(22) февраля. В резерве у Маркова находились 1-й Офицерский батальон и взвод 1-й Юнкерской батареи.

К этому времени подразделение Технической роты уже выдвинулось к станице Аксайской и под прикрытием Партизанского батальона имени генерала Корнилова вело работы по обеспечению будущей переправы.

И это было всё, чем располагала Добровольческая армия перед уходом...

8(21) февраля Сиверс от станции Хопры и Генеральского моста повёл решительное наступление на Ростов. Сильные бои завязались у хуторов Олимпиадовки и Куренева. На следующий день фронт приблизился к станице Гниловской. Отчаявшись отстоять свою станицу, оставшиеся ещё казаки разошлись по домам. Советские батареи расстреливали станицу, огонь тяжёлой артиллерии достигал уже Силикатного кирпичного завода Попилова, расположенного на окраине города.

⁴¹⁶ Была направлена из Ростова для поддержки отряда Черепова 7(20) февраля.

В середине дня 9(22) февраля добровольцы оставили Гниловскую и отошли к Темернику. Вот что пишет об одном из эпизодов «внутренней» войны Антонов-Овсеенко, бывший в тот день в штабе Сиверса: «Наши цепи двинулись вскоре вперёд, и штаб за ними. В станице все как вымерли. Корниловцы отступили. На площади у церкви следы разрушения от наших гранат. На путях – разгромленный санитарный поезд корниловцев. Он, было, уходил от нас к Ростову, но состав оторвался и пошёл под уклон навстречу нашим цепям. Санитарный персонал и раненые встретили наших выстрелами и гранатами и все были перебиты. Тут же у вагонов, на снегу валялись они – две женщины, несколько мужчин, *и люди-гиены копошились около них*⁴¹⁷.

Гниловская нами взята в 12 час., следом был взят кирпичный завод, к 14 час. разбит цементный завод».

Тот факт, что Сиверс приложил все усилия, чтобы ворваться в этот день в город, не вызывает сомнений. Но и добровольцы сделали всё возможное, чтобы этого не допустить. Не исключено, не в последнюю очередь из-за их упорного сопротивления, на следующий день Сиверс уже не торопился.

Штаб генерала Маркова 9(22) февраля располагался на вокзале. Помимо руководства боем он успевал проследить за всем. По его приказу, всё, что возможно, было испорчено и повреждено на вокзале. Батарея с левого берега переведена в Ростов. Железнодорожный мост через Дон разведён. Мост между ст. Заречной и Батайском взорван⁴¹⁸.

⁴¹⁷ К чести Антонова-Овсеенко следует признать, что он, куда чаще других, позволял себе замечать как случаи нерадивости своих, так и проявления героизма и самоотверженности добровольцев. Иногда в его строчках прорывается почти восхищение. Тем большего уважения заслуживает и он сам, один из тех несомненных самородков, которые вытянули начальный период войны для большевиков.

⁴¹⁸ Эту задачу Марков лично возложил на начальника подрывной команды при 1-м Офицерском батальоне старшего портупей-юнкера Козлова. Команде были выделены 11 ящиков пироксилина, который, однако, оказался отсыревшим. Козлов с риском для жизни сушил его в голландской печи, запершись в помещении кондукторов. В ночь с 8(21) на 9(22) февраля подрывники под прикрытием 2-го Офицерского батальона заложили взрывчатку под опорами довольно протяжённого моста и, подорвав, повредили его весьма основательно. Когда Антонов-Овсеенко следовал вскоре в Батайск, он с сопровождающими вынужден был идти по неокрепшему льду пешком.

С утра взрывали стрелки, станционные здания и постройки. Подрывали и паровозы. Чины Технической роты, оставшиеся без паровозов, связи и оборудования, группами уходили из депо в Лазаретный городок. Не обошлось без нелепой случайности. При взрыве был убит наповал инженер-путеец поручик Лысенко.

Ледокол начал ломать лёд на реке Дон. Но треск от льдин заглушался рёвом советской артиллерии, крушившей заводы и строения на окраине города.

После полудня красногвардейцы усилили давление, потеснили юнкеров Школы прапорщиков и уже готовы были вернуться в Темерник, но контратакой 3-й роты 1-го Офицерского батальона при поддержке орудий взвода Юнкерской батареи поручика Казанли были отброшены. Не задерживаясь, 3-я рота проследовала на юго-западный участок обороны, где помогала отбивать атаки партизанам есаула Лазарева.

В это время красногвардейцы подтянули к месту расположения взвода Юнкерской батареи шесть своих орудий. Поднялись в новую атаку и густые цепи противника. Партизаны вновь подались назад, но орудия Юнкерской батареи остались на позиции и открыли по наступающей пехоте огонь картечью. До самого вечера продолжалась артиллерийская дуэль. Лишь когда в стволе одного из орудий заклинила граната, поручик Казанли приказал взяться на передки. В этот момент пришёл приказ, отходить к зданию вокзала⁴¹⁹.

На Темернике тут и там разгорались пожары. Горели подожжённые артиллерийскими разрывами дома. В районе вокзала стояли три роты 1-го Офицерского батальона. Изредка им в спину стреляли от Темерника рабочие. Роты высылали на выстрелы дозоры. Пойманных расстреливали на месте. Мимо проходили оставлявшие свои позиции части.

⁴¹⁹ Взвод отходил боковыми улочками Темерника, частично занятого уже красногвардейцами. Выйти к вокзалу и Большой Садовой юнкерам помог знавший город, недавно записавшийся в батарею штабс-капитан Рудницкий. На переезде взвод наткнулся на брошенные, по-видимому, под обстрелом, орудия 2-й Офицерской батареи. Юнкера предложили взять их с собой, но поручик Казанли, ввиду отсутствия лишних упряжек и лошадей, скорее даже, ввиду общего отхода Армии, запретил.

Проскакала в тыл 2-я Офицерская батарея. Прошла ничуть не расстроенная рота Корниловского ударного. Затем отряд сотника Грекова и Морская рота с бронеавтомобилем. Лишь 3-я рота 2-го Офицерского батальона не смогла оторваться от противника и отходила по узким темерницким улочкам, едва ли не попеременно с ворвавшимися в предместье красногвардейцами. Дым от пожаров, да сгустившиеся сумерки поспособствовали добровольцам достигнуть вокзала.

Ночью все части получили указания и маршруты дальнейшего следования. Рота Корниловского батальона, Школа прапорщиков, Чехословацкий батальон, 2-я Офицерская батарея и взвод поручика Казанли 1-й Юнкерской батареи направлялись в Лазаретный городок. Местом сбора для остальных частей был определён угол Таганрогского⁴²⁰ проспекта и улицы Большой Садовой. Прикрывать отход оставался 1-й Офицерский батальон, включая присоединившуюся к нему у вокзала 3-ю роту.

2-й Офицерский батальон у ст. Заречная в течение дня 9(22) февраля отбил атаку красногвардейцев от Батайска и остановил продвижение отряда из группы Сиверса от станции Гниловской, против которой большевики переправились по льду на левый берег Дона. Батальон получил приказ в ночь на 10(23) февраля оставить позиции и отойти по левому берегу к станции Ольгинской, что он в точности и исполнил.

3-й Офицерский батальон был выдвинут к ст. Нахичевань с задачей сдерживать возможное наступление противника с севера. В течение дня 9(22) он, при поддержке юнкеров Школы прапорщиков, отбивал попытки красногвардейцев прорваться к железнодорожному полотну. В 21 час был получен приказ отходить в Лазаретный городок. Батальон в ротных колоннах начал вытягиваться на дорогу, и тут вновь был атакован противником. Атаку отбила 4-я (Гвардейская) рота, прикрывавшая отход батальона и потерявшая 16 человек убитыми и ранеными.

Штаб генерала Корнилова весь день 9(22) февраля находился в Парамоновском доме и лишь к вечеру, к 17 часам перешёл

⁴²⁰ В настоящее время – проспект Будёновский. Большая Садовая одно время называлась улицей Энгельса. В последствии, вернула себе прежнее наименование.

в Лазаретный городок. Было подтверждено принятое ранее решение: Армии в течение ночи выдвинуться в станицу Аксайскую, переправиться там через Дон и отходить на Ольгинскую. В Аксайскую заблаговременно был направлен эшелон с боеприпасами и армейским имуществом. С запада станицу прикрывал Партизанский батальон с орудием, обслуживаемым юнкерами 1-й Юнкерской батареи. Силами Технической роты обустраивалась переправа. Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии также прибыл уже в станицу с задачей набрать необходимое число подвод и телег, в которые позже перегрузили из эшелона всё то, что удалось вывезти из Ростова.

Все понимали, что Армия отправлялась в неизвестность. Пеший поход в степи, в условиях зимних холодов, при весьма вероятном преследовании многократно сильнеешего противника мог перенести не всякий, и уж точно, не больные и раненые. Взять их с собой Армия не могла. Оставить, по понятным причинам – тоже. Среди жителей Ростова и Нахичевани нашлось немало таких, кто с риском для собственной жизни изъявил желание приютить у себя добровольцев. В обстановке максимально возможной в суматохе отхода секретности изъявившие желание остаться были распределены по городским квартирам. До 200 человек больных и раненых оставаться отказались категорически, и ушли вместе с армией.

Корнилов не забыл и о том, что не менее пятой части Армии составляла учащаяся молодёжь. Он освобождал её от службы, предоставив каждому студенту или реалисту самостоятельно решать, уходить с Армией, или оставаться⁴²¹. Остались два-три десятка. Позже, многие из них пожалели о своём решении.

⁴²¹ Вот, что говорил генерал Боровский перед строем вверенного ему Студенческого батальона:

– Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова. Вы свой долг уже выполнили, охраняя Ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но... раньше, чем окончательно решить, вспомните ещё раз о ваших семьях... Мы уходим в тяжёлый путь. Так решили наши вожди. Придётся пробиваться по степям и горам... Нести жертвы... Быть может на время мы уйдём далеко от ваших родных мест... Подумайте! – и после минуты, данной на размышление. – Кто решил остаться дома, выйдете из строя!

Вышли единицы. Большинство из них вечером вернулись в батальон.

В 23 часа 9(22) февраля части и следом за ними обоз начали выдвигаться из Лазаретного городка на Аксайскую. Впереди колонны – генерал от инфантерии Корнилов. Весь путь до Аксайской он прошёл пешком. За ним генералы. Далее, в ротных колоннах, добровольцы. Удивительно, но очевидцы в один голос утверждают, что настроение, несмотря ни на что, было приподнятое. Люди вдохновлены были осознанием того, что нашли в себе силы пойти до конца, и сделать это оказалось вдруг так просто. И выяснилось вдруг, что выбор свой сделали они не сейчас, а давным-давно. Они просто не знали этого до поры... И перед величием этого выбора всё остальное, все опасности и неизбежные лишения, даже и то, что с ними станет, меркло, растворяясь в заснеженной степи, становясь малозначимым и третьестепенным...

В затаившемся, погасившем огни городе, на углу Таганрогского и Садовой выстраивал свою колонну генерал Марков. В ставшей вскоре знаменитой в Армии большой белой папаше он продвигался вдоль колонны. И с неизменной, появляющейся в критических ситуациях некоторой весёлостью в голосе отдавал последние распоряжения. Ему доложили, что нет горючего для броневедомости и нет вообще.

– Когда тронется колонна – взорвать! – ни секунды не раздумывая, приказал генерал.

Возле строящегося 1-го Офицерского батальона стояли грузовики, в которые загружали пулемёты.

– Это ещё что? – остановился Марков. – Да вы с ума сошли? Перегрузить на лошадей!

Ему доложили о невозможности найти в городе среди ночи повозки и лошадей.

– Чушь! – ответил генерал, приблизился к столбу с пожарным сигналом и разбил стекло. Через пятнадцать минут прибыла команда пожарных во главе с бранд-майором.

– Распрячь лошадей! – крикнул Марков, и тут же, несмотря на протесты пожарных, стали выпрягать. Тем временем команда, выделенная полковником Боровским, «разыскала» несколько извозчичьих пролёток и частных экипажей, вдруг превра-

тившихся в дуэлки пулемётной команды 1-го Офицерского батальона.

Колонна тронулась⁴²², вытягиваясь в сторону Нахичевани. От неё то тут, то там отбегали и растворялись в ночи пришедшие проводить своих близких и родных. В арьергарде раздался взрыв. Это подорвали оставшийся без горючего броневомобиль. Офицеры едва ли не силой вытащили из машины своего командира, не желавшего с ней расставаться.

Колонна шла и шла вперёд, достигнув уже окраин Нахичевани. Дорога стала труднее, снежные заносы, случалось, преграждали путь. Вслед постреливали нечасто и неточно в сгустившейся темноте. Добровольцы не отвечали...

От том, отчего советские войска «прочно заняли» оставленный добровольцами Ростов лишь к вечеру 11(24) февраля 1918 г., остаётся только догадываться⁴²³. Антонов-Овсеенко утверждает, что «части Сиверса, в том числе и 4-я дивизия, были так утомлены, что оказались неспособными преследовать противника».

Однако тут же, мимоходом, он сообщает, что к Сиверсу прибыла делегация от городской Думы с просьбой не обстреливать город и уверениями, «что корниловцы его покидают без боя».

Напрашивается следующее предположение. Сиверс мог «выпустить» Добровольческую армию из Ростова вполне осознанно. Ориентированный Антоновым-Овсеенко, он знал, что дерётся с добровольцами по существу один на один. Ожесточённые бои 8–9(21–22) февраля показали, что Добровольческая армия задёшево себя не отдаст, и если Сиверс не позволит Корнилову оторваться и выйти из города, добровольцы вполне могут развернуться и обрушиться всей сконцентрированной

⁴²² Упоминание Деникина об «отряде генерала Маркова, пробившегося мимо Батайска левым берегом Дона», заставляет предположить, что Марков, отправив колонну в составе Студенческого и 1-го Офицерского батальонов, сам переправился на левый берег и к Ольгинской отходил в составе 2-го Офицерского батальона от Заречной. Об этом же прямо говорит и А.П. Богаевский.

⁴²³ «10-го(23-го) я направлялся вновь к Сиверсу, – пишет Антонов-Овсеенко. – Вечером получил следующую телеграмму: «Экстренно. Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин». Мы запоздали на несколько часов против этого приказа».

обстоятельствами мощью на советские отряды. И, что бы из этого вышло, предугадать было невозможно.

Кроме того, Сиверс был информирован о предполагаемом занятии Ольгинской войсками Автономова и мог вполне резонно рассудить, что, придя в Аксай, Добровольческая армия будет зажата между тремя советскими группировками: Саблина от Новочеркасска, Автономова от Ольгинской и его, Сиверса от Ростова. Такая, тактически, безусловно, выигрышная ситуация, представлялась куда более предпочтительной. И просьба делегации Думы, не завязывать уличные бои оказалась вдруг к месту.

Так, или иначе, но в ночь на 10(23) февраля красногвардейцы, заняв Темерник и городские окраины, остановились на достигнутых рубежах и вошли в Ростов лишь через сутки. Добровольческая армия, никем не преследуемая, вышла из города и подходила вскоре к станице Аксайской.

Что станется с ней, долгов ли окажется её путь, не мог предугадать никто. Зачем, во имя чего отходят они в ночь, знали все добровольцы.

Генерал Алексеев писал: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была, хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»